

17 АПРЕЛЯ 1998 Г.

ТРУД-7

К ГОСТИНАЯ

Имя известного критика Анатолия Ланшикова неотъемлемо от литературного процесса последних десятилетий. Он — автор многих книг, воспитатель творческой смены, его слово — острое, заинтересованное, прочно укоренено в почву отечественной и мировой культуры.

АНАТОЛИЙ ЛАНЩИКОВ:

ЧИТАТЕЛЯ МОЖНО ПОТЕРЯТЬ НАВСЕГДА

— Анатолий Петрович, наша беседа на Патриарших прудах отчасти напоминает начало знаменитого романа. Помните, у Булгакова: «В Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина...» В связи с этим вопрос: вы верите в судьбу?

— Когда как. Сейчас понятие «судьба» интересует меня в большей мере применительно не к отдельной личности, а к целым народам, цивилизациям. Почему одни народы становятся великими, а другие, в силу различных причин, ими не становятся? России было предопределено свыше стать Третьим Римом. И это божественное бремя давало ей силы, выживаемость, пока идею эту не убили...

— У вас появилась тяга к истории?

— Интерес к ней у меня появился давно. Для меня всегда был важен процесс познания прошлого, в том числе — через литературу. Когда я писал книгу о Чернышевском, я прежде всего писал книгу о том времени. Когда живешь и прошлым, твоя сегодняшняя жизнь становится намного богаче. Тогда и классики для тебя будут не памятниками, а живыми людьми, с которыми можно поговорить по душам.

— Владимир Соколов писал: «Я устал от двадцатого века...» Вы чувствуете подобную усталость?

— Это не усталость поколения. Это общеевропейская усталость. Александр Блок поставил правильный диагноз двадцатому веку — цивилизованное одичание. Конец века доказывает, что именно так. В двадцатом веке погибли в двух войнах сто миллионов европейцев. Это самоистребление! В истории еще не было такого.

— Анатолий Петрович, вас причисляют к славянофилам. Славянофильство и западничество, на мой взгляд, в общественной мысли России являлись прежде полноводными реками, а сейчас кажутся обмелевшими ручейками, вокруг группируются с одной стороны — реалисты, с другой — модернисты и иже с ними...

— Прежде всего это неравноз-

начные течения. Главная мысль западников: нужно учиться, нужно делать — как там. Все! На мой взгляд, все великие русские писатели, в той или иной мере, — славянофилы. Это менялось, конечно. Почвенничество Достоевского, скажем, отличается от славянофильства Хомякова и Аксакова. Суть славянофильства — идти своим предназначенным путем, который немислим без православия.

— Что происходит, на ваш взгляд, с жанром литературной критики сегодня?

— На мой взгляд, происходит разрушение литературного процесса в целом. Есть публикации, но нет процесса. Критика творит, это такая же литература, как проза, поэзия, драматургия. А раз процесс литературный рушится — критика не нужна, потому что она пытается как раз формировать этот процесс, выявлять тенденции духовного освоения действительности. А сейчас происходит имитация литературного процесса. Сам процесс сильно коммерциализировался и отсюда рекламная критика.

— И тем не менее есть критики, которые самоотверженно исполняют свой долг.

— А кто их читает, простите?.. Тиражи изданий, в которых они печатаются, составляют несколько тысяч экземпляров. Это стенгазета. И дело не в том, что мы писателей теряем. Мы теряем читателей. И читателя можно потерять, как на Западе, навсегда — вот что страшно!

— Я недавно случайно наткнулся на анкету «Дня поэзии-69». Там вы писали о том, что на поэтическом знамени новой эпохи будут начертаны радостные всякому чуткому человеку слова: «Вперед к Пушкину». Эта убежденность сохранилась в вас в преддверии 200-летнего юбилея поэта?

— Да. Я часто задумываюсь о любопытном факте: в 1937 году, к 100-летию со дня гибели поэта, было выпущено в стране прекрасное собрание сочинений Пушкина большим тиражом, было множество отдельных изданий. Дата отмечалась широко. И как ни парадоксально, именно это событие, имя Пушкина, в тот страшный год помогало выжить. Пушкин стал иконой. Каждый ребенок ежедневно видел перед собой портрет Пушкина или рисунок по мотивам его произведений, или стихотворение. Всегда, думая о Пушкине, питаешь какие-то надежды на лучшее.

— Дай-то Бог!

— Еще я не перестаю надеяться на провинцию. Когда регионы наши обретут хоть какую-то самостоятельность, возрождение России станет возможным. Из столицы возрождения не будет... Но жизнь сначала должна прийти в минимальную норму. Голодный человек, которому еще нужно кормить своих детей, в храм не пойдет. Москва спасла Россию в 1812-м и в 1941-м годах. Но провинция спасала Москву во время смуты начала XVII века...

— О проблемах российской глубинки часто пишет «Труд». У вас, как у критика, есть, наверное, замечания, пожелания в адрес газеты?

— В «Труде» я с любопытством читаю, например, статьи Руслана Киреева. Острым словом обладает Юрий Поляков. Остроумны карикатуры «Труда». Я заядлый футбольный болельщик и поэтому всегда ищу информацию об этом...

Вел беседу
Владимир КОРОБОВ.